

ния кануна XXI в., которое определяется как «широкое и гибкое пространство диалога различных мировоззрений, культур, традиций. Это пространство характеризуется общим рациональным языком, необходимым для взаимопонимания, но в то же время оно предполагает большое разнообразие самих ценностей, ценностных систем и иерархий, не сводимых друг к другу» [7, с. 81].

Аксиологический подход как особый метод философского анализа, главной характеристикой которого является его ценностная ориентированность, открывает новые возможности представления, определения, описания, изучения и понимания интеграции науки и образования, приходя на смену устаревшим и ортодоксально-позитивистским в чем-то взглядам на нее. Он позволяет, оперируя различными ценностными характеристиками этой интеграции в ее множестве аспектов и расширяя использование нормативно-гуманитарной компоненты, заложить ценностные основы для построения новой эвристической модели данной интеграции, адекватной требованиям практики. Философия ценностей также дает возможность лучше определить социокультурные факторы и их ценность для современности, находящиеся хоть и вне данной интеграции как таковой, но в силу своей специфики сущностным об-

разом влияющие и даже каким-то образом детерминирующие ее. Она позволяет оценить потребности современного общества с точки зрения выявления их ценности для будущего человечества и лучше определить, на удовлетворение каких именно из этих потребностей должна быть нацелена интеграция науки и образования сегодня, дает возможность понять более полно значимость (ценность) этой интеграции в настоящую эпоху для генезиса науки и образования, для развития современной личности, а также для культуры и цивилизации в целом. В конечном счете это способствует осознанию, обоснованию, признанию и защите данной интеграции, несмотря на рост антисциентистских воззрений, как истинного блага для всего человечества, а в дальнейшем – и развитию объективно существующей культуросозидающей мощи интеграции науки и образования.

Аксиология (особенно аксиология науки и аксиология образования) содействует нахождению более глубокого знания об интеграции науки и образования, так как дополнение теоретико-познавательного подхода ценностным создает синтез когнитивного и ценностного компонентов познания.

Литература

1. Сторер Н.У. Социология науки // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 248–264.
2. Копнин П.В. Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973. 464 с.
3. Деятельность: теории, методология, проблемы. М.: Политиздат, 1990. 366 с.
4. Белов В.А. Образ науки в ее ценностном измерении (философский анализ). Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995. 266 с.
5. Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 124 с.
6. Разин А.В. Ценностная ориентация и благо человека // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 77–87.
7. Розов Н.С. Философия гуманитарного образования. Ценностные основы и концепция базового гуманитарного образования в высшей школе. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1993. 194 с.

М.В. Стариков

НЕКРОЛОГ КАК ПИСЬМО-МАКИЯЖ

Томский государственный университет

Присутствие длится дольше, чем жизнь

М. Хайдеггер

1. Некролог на Густава Шпета как жанр письма

16 ноября 1937 г. ушёл от нас выдающийся русский философ Густав Густавович Шпет. Отмучился и ушёл из жизни один из самых беспокойных и

вызкательных, талантливых и благородных представителей нашей творческой интеллигенции. Трагическая случайность оборвала жизнь человека, много и плодотворно потрудившегося в нашей философии. Смерть, она, как давно сказано, придаёт

¹ При написании статьи использованы некрологи из журналов: «Вопросы философии», 1991, № 9; 1992, № 3, 4, 11; 1993, № 4, 10, 11; 1994, № 3, 4, 6, 9; «Логос», № 2.

жизни главное – смысл. И это верно прежде всего для тех, кто остаётся жить. Г.Г. Шпет был человеком западной образованности. В анализе низости он обнаруживал зоркость психоаналитика, в понимании добра и таланта – терпеливое доверие герменевтика. Так было в книгах, так было и в жизни. Он успел вступить в срок мудрости, и горше всего, что это был мудрец всего лишь начинающий. Смерть украла духовное завершение жизни, оборвав последнее творческое усилие. Скомканы и перечёркнуты зрелые творческие замыслы, оборван высокий и стремительный интеллектуальный полёт. Философская наука лишилась крупного учёного, автора многих трудов по проблемам феноменологии, этнопсихологии и герменевтики. Г.Г. Шпета отличали глубокая преданность науке, творческая энергия, завидная работоспособность. Он был философом милостью божьей. Его книги и статьи по различным философским проблемам вызывали и вызывают неиссякаемый читательский интерес как у нас в стране, так и за рубежом. Вместе с тем Г.Г. Шпет не замыкался в сфере одной науки. Он был разносторонне образованным и одарённым человеком, увлекался литературой, хорошо знал живопись и музыку, охотно посещал художественные выставки, театральные постановки, концерты. Живо интересовался политикой, был принципиален и объективен в оценке реалий нашей жизни. Как истинный интеллигент, он был всегда критически настроен по отношению к советской действительности. Его научная деятельность во многом определила развитие философии в нашей стране, способствовала утверждению её места в духовно-культурной жизни.

Теперь Г.Г. Шпета следует отнести к старшему поколению российских философов. Он родился в Киеве 26 марта (7 апреля) 1879 г. Обучался сначала в Киевской гимназии, а позднее в университете, откуда был исключен за участие в революционной деятельности. Однако, даже не посещая лекций, он сдал обширный экзамен и получил золотую медаль за работу «Проблема причинности у Юма и Канта». Много преподавал, сначала в Киеве затем в Москве. В 1910–1912 гг. стажировался в Германии (Геттинген) и Шотландии (Эдинбург). Защитив диссертацию, получает должность профессора. В 1921 г. сам основывает институт этнической психологии. Его перу принадлежат блестящие литературные переводы и философские сочинения. Наиболее плодотворными были его идеи в области философской теории понимания и философии языка, которая должна была стать центральной для методологии наук о духе. В 1935 г., когда сталинский террор начал усиливаться, Г.Г. Шпет был репрессирован, его осудили и выслали в Сибирь, в Томск. Здесь он и погиб (расстрелян). А в 1956-м был посмертно реабилитирован.

Отличительными чертами Г.Г. Шпета были скромность, демократичность, чуткость и внимательность к людям. Он пользовался заслуженным авторитетом и большим уважением со стороны

всех, кто его знал, работал и общался с ним. Друзья любили его и ценили его человеческие качества. Он оставил о себе добрую память. Кончина Г.Г. Шпета стала тяжёлой утратой для нашей философской науки, для всех тех, кому посчастливилось знать его лично, для тех, кто читал его труды и чьи надежды познакомиться с новыми результатами его исследований оказались столь жестоко разрушенными. В памяти родных, друзей, учеников и коллег – всех, кто имел честь его знать, он останется сильным и гордым человеком, неизменно внимательным к своим ученикам и коллегам, добрым и отзывчивым другом. Уход таких людей, как Г.Г. Шпет, никогда не бывает случайным и никогда окончательным. Именно индивидуальные, поистине философские усилия таких людей позволяют эпохам переключаться, помогают беспрепятственно и непрерывно течь току сознания от «дедов» к «внукам» и «правнукам». Нет сомнения, что имя Г.Г. Шпета останется в сердцах знавших его людей, в памяти прочитавших его работы и на страницах великой книги истории философии. Смерть Г.Г. Шпета повышает, усугубляет нашу ответственность перед всей русской философской мыслью в деле прояснения её истинного, умопостижимого смысла.

Г.Г. Шпет был мужественным человеком и хорошим товарищем. В сердцах всех, кто его знал, кто общался и работал с ним, он оставил о себе самую светлую память.

II. Некролог – письмо-макияж: комментарии

Некролог, рассмотренный как жанр, сериен...

Некролог позволяет совместить в себе необычайную искренность, доверительность с серийностью. Т.е. этот некролог может быть произнесён на похоронах очень многих. С простой заменой фамилии. Здесь искренность – это свойство имитации. Благодаря имитации искренности и создаётся имитация этого заявленного дискурса, – создаётся серийность некролога как жанра. Некролог изменяет своей уникальности и становится машиной. Вопрос стоит таким образом:

- Может ли имитация быть искренней?
- Может ли нечто серийное быть искренним?
- Возможна ли «машина искренности»?

Причем для меня это не этический вопрос. Мой взгляд – взгляд хирурга.

Как и благодаря чему некролог может быть серийным?

Мое рассмотрение берется за выявление неких письменных процедур в некрологе, которые позволяют ему быть жанром искреннего письма.

При этом я не берусь рассматривать традиционную структуру некролога, в том числе обязательно входящие в него элементы «биографии» и «плача», а также состояние, к которому располагает читателя некролог – а именно скорбь. Мой взгляд – взгляд хирурга.

Серийным некролог как раз и делает его жанровость. Он может быть написан на многих. (Имя Шпета может быть практически без ущерба заменено на другое.) И в этом качестве как жанр некролог постоянно длится как нечто законченное. Каковы же серийные единицы некролога. Искомые мной единицы серийны не потому, что они могут быть матрицами, служащими редупликации жанра и продлению текста (плач, биография), а потому, что сериация их происходит внутри некролога, с помощью приписывания некоему лицу неких атрибутов. Это письмо на лице – макияж. Отсюда ясно, что некролог, будучи письмом на лице другого, может рассматриваться как письмо-макияж.

Пишущий некролог может быть искренним, прописывая (расписывая) лицо другого. Благодаря некрологу пишущий его может расписаться на могильной плите. Письмо некролога – письмо на лице другого – это техника наложения письменного макияжа. Двухзначная лицевость¹ некролога рождает его искренность. Причем рамки наделения (канон макияжа) заданы достаточно жестко в традиционной формуле «Либо хорошо – либо ничего». И этот макияж как призванный сделать лик ушедшего еще более живым для нас (продлить его присутствие) умерщвляет лицо и делает (пишет, рисует) маску.

Сериен макияж некролога, состоящий из постоянно повторяющихся штрихов по уже состоявшимся деталям лицевого ландшафта (усилить, укрепить, подчеркнуть качества, рельефнее прорисовать его) – например штрих линии брови. Почему макияж? А потому, что и макияж, и некролог хотят одного – улучшить лицо.

Сериация процедур макияжа и масочности в некрологе закладывает в него искренность, рождая чувство скорби через холод отчужденности. Ужасает становящаяся дистанция между лицом и маской мертвеца, созданной макияжем. Обостряются некие черты этого самого лица, и оно становится себя-лишь-напоминающей маской. Драма – когда мы вдруг начинаем видеть, как поверх еще вчера живого лица проступает маска.

Я хочу сказать, что этическая плюсовость некролога съедает его изнутри, поскольку мы пишем здесь всегда на грани ничто. Так же, как маска, проступая на лице, «съедает» его. И поэтому, с этической точки зрения, некролог положителен, а с экономической – отчужден. Эта этическая положительность в комбинации с экономической отчужденностью освобождает в некрологе как жанре письма некое всегда уже вакантное место для редупликации искренности, в котором и возможна дистанция лица-маски. «Подлинность», этическая

положительность письма, которая ему диктуется через страх ничто, «выедается» этим ничто и приводит к сериации письма и к редупликации положительно-этического в виде отчужденности этого самого письма.

Драма некролога, делающая его жанром искренности, рождается из фиксируемой дистанции лица и становления-маской через письмо-макияж.

Ужасает серийность маски в отличие от индивидуальности живого лица. Некролог, как и макияж, пытается улучшить лицо, но макияж строится на сериации неких стилизованных шаблонов. Тяготение макияжа к маске и определено серийностью процедур макияжа. Желание улучшить определенное правилом и стилем и порождает серийность (масочность), которая ужасает.

Ответ на вопрос «как нечто серийное может быть искренним» дается на примере некролога как жанра письма, и в нем искренность осуществляется как постоянная сериация рельефных штрихов макияжа, делающих лицо маской. Штрихи некролога серийны, но они и делают возможной дистанцию лица-маски, которая ужасает, делая письмо некролога подлинным, имеющим как следствие истинность скорби. Некролог это тот случай, в котором подлинность дистанции достигается через серийность письменного штриха.

III. Предполагаемый смысл

Существует минимум две возможности высказаться о смысле написанного.

Кажущееся на первый взгляд странным сопоставление и уподобление некролога как письменного жанра макияжу устраняется за счет внимания к тайным жестам текста как попытки высказать сомнение, мучившее автора долгие годы. Неослабевающее внимание к фигуре Г.Г. Шпета озадачивает многих как у нас в стране, так и за рубежом (об этом свидетельствует и состав сборника), подвигло автора на написание краткого резюме его жизни, расставляющее все точки над *i*. Последующие замечания носят индуктивный² характер. Я, да и мы все в неоплатном долгу перед Шпетом. Он умер (расстрелян с нашего молчаливого согласия). Я виноват перед Шпетом и поэтому решил написать этот текст. Я уже окончательно отказался от попыток понять, что он пишет, и поэтому я написал на него некролог³. Чтобы отдать дань памяти великому, не претендуя на его понимание и изложение (исследование), которое всегда субъективно. Для меня единственным способом быть искренним в отношении Шпета и при этом остаться философом и было написание этого некролога.

¹ Лицо как деталь телесного ландшафта и лицо как социальная единица.

² Вторичный, как индуктивные токи в физике, которые продолжают течь, когда цепь уже разомкнута (имеются в виду две последние главы).

³ Это, по крайней мере, честнее, чем донос в НКВД.